

Помимо учебы и совместных поездок по студенческим проектам, Сунь Цзинь почти всё время проводил в библиотеке и кондитерской: пока рядом кто-то находился, он чувствовал себя в большей безопасности.

Осенняя прохлада постепенно вступала в свои права, погода заметно посвежела. За это время Сунь Сянпин несколько раз связывался с Сунь Цзинем, предлагая заглянуть домой и поужинать всей семьей, но Сунь Цзинь неизменно отказывался под самыми разными предложениями.

Он не мог просто бросить всё и сбежать отсюда, а значит, оставалось лишь изо всех сил держать дистанцию с семьей Сунь.

— Завтра поужинаем вместе? — Сунь Цзинь как раз собирал чеки, когда Хэ Хао неожиданно подошел и закинул руку ему на плечо. — У тебя есть какие-нибудь планы?

— С чего вдруг такой порыв поужинать вместе? — удивился Сунь Цзинь.

— Да ты издеваешься, что ли? — у Хэ Хао аж лицо перекосило от досады. — Завтра же твой день рождения, мой дорогой Цзинь.

Сунь Цзинь на секунду замер, а затем произнес:

— А... вот оно что.

Он уже очень, очень давно не отмечал дни рождения — настолько давно, что вовсе стер это понятие из головы и полностью о нем забыл.

Он не придавал значения этому дню и не видел в нем повода для праздника.

— Не нужно, нечего тут праздновать.

Сунь Цзинь скомкал чек в комок и бросил в урну. Глядя, как бумажка, освободившись от давления, медленно распрямляется — впрочем, распрямляется лишь чуточку и так и остается помятым коком, — он понял, что она больше не шелохнется.

— Так дело не пойдет, забота о сотрудниках — моя прямая обязанность, — заявил Хэ Хао и, повернувшись, крикнул в сторону подсобки: — Ведь так, Тан Минь?

Тан Минь отозвался:

— Точно, Сунь Цзинь. Раз уж он впервые в жизни добровольно решил раскошелиться, уважь

его порыв.

Сунь Цзиню оставалось лишь улыбнуться:

— Тогда спасибо нашему директору.

— Брось ты!

Коллеги знали кое-что о семейных делах Сунь Цзиня: родители развелись в раннем детстве, потом умерла мать, и Сунь Цзинь вернулся к отцу. Теперь же, поступив в университет, он сам обеспечивал себя за счет подработок и участия в групповых проектах. Разумеется, никто не стал бы спрашивать его, собирается ли семья устраивать праздник, — некоторые вещи лучше оставлять безмолвными.

Вечером моросил небольшой дождь. Ужин был назначен в японском ресторане, и пока Сунь Цзинь ходил в туалет, Хэ Хао уже успел расплатиться по счету. Судя по словам Тан Миня, выражение лица у Хэ Хао было такое, будто от него отрезали кусок живого мяса.

Сунь Цзинь потребовал:

— Покажи чек.

— И не подумай. Я тебя знаю, потом опять мне деньги начнешь переводить.

Сунь Цзинь попытался возразить, но Хэ Хао оборвал его:

— Заткнись. Сегодня твой день рождения, а после мы идем в бар. Последнее время столько работы, у меня чертовски давно не было нормальной ночной жизни.

Сунь Цзинь замялся:

— В бар я, пожалуй, не пойду, я не привык к такому.

Тан Минь успокоил его:

— Да брось ты, просто выпьем по бокалу. Мы же впервые отмечаем твой день рождения и просто хотели сводить тебя в какое-нибудь необычное место, верно?

Хэ Хао тут же с готовностью закивал:

— Тан Минь уже забронировал столик, и он же сказал, что сам оплатит счет в баре.

Тан Минь вздохнул:

— Ну ты и прожженный делец.

Когда они пришли в бар и уселись за столик, вокруг стоял изрядно громкий гул. Тан Минь наклонился к самому уху Сунь Цзиня и шепнул:

— Вокалист на сцене — парень с нашего факультета.

— Вы же вроде на кафедре дикторов учитесь, как же он...

Тан Минь рассмеялся:

— Разве студенты-дикторы не могут петь в барах? Наш директор вообще учился на картографа, а теперь повсюду открывает кондитерские. Я сам с дикторского, и что с того? Тоже целыми днями пеку пирожные.

Сунь Цзинь немного помолчал и признался:

— Я вам немного завидую.

Его голос прозвучал так тихо, что Тан Минь не расслышал. Придвинувшись еще ближе, он переспросил:

— Что ты сказал?

— Ничего, — ответил Сунь Цзинь.

Ему казалось, что он всю жизнь двигался строго по расписанию: в старшей школе изо всех сил зубрил материал ради вступительных экзаменов, а поступив в университет, замкнул свое будущее профессиональное поприще исключительно рамками специальности. Он словно и не помышлял о каких-либо прорывах или попытках свернуть на другую дорогу.

Он знал, что он человек осторожный и осмотрительный, не склонный к риску и чуждый дерзких вызовов. У него просто не было права на ошибку, и он ужасно боялся упасть слишком больно — подняться потом было бы невероятно тяжело.

Сунь Цзинь думал о том, что всю свою бунтарскую энергию он, пожалуй, исчерпал на осознание собственной сексуальной ориентации. И лишь в этом вопросе, прекрасно понимая,

что отличается от большинства, он даже не пытался ничего менять или исправлять — потому что изменить и исправить это было попросту невозможно.

Если и существовало в его жизни нечто непредвиденное, то звали его Сунь Синлань. Этот человек оказывался куда сильнее любых обстоятельств, с которыми Сунь Цзинь был не в силах совладать; он умел довести до полного нервного срыва, разрушить до основания все устои и разорвать его жизнь на мелкие осколки.

— Вы чего это тут шепчетесь? — Хэ Хао вернулся от барной стойки и поставил перед Сунь Цзинем бокал Беллини. — Заказал тебе классику, легкий коктейль. Попробуй.

— А мне? — возмутился Тан Минь.

Хэ Хао отмахнулся:

— Что хочешь, то и заказывай сам, у меня нет времени с тобой возиться. Чего притворяешься невинной овечкой?

Коктейль оказался освежающим и терпким, с приятной персиковой сладостью. Сделав несколько глотков, Сунь Цзинь почувствовал, как на душе заметно полегче. Как раз в этот момент на сцене начали импровизировать джаз, от мягких звуков которого приятно кружилась голова и разливалось странное, умиротворяющее спокойствие.

— Зная, что ты не любишь слишком шумные места, я специально выбрал заведение потише, — пояснил Тан Минь. — Впрочем, сейчас еще рано, чуть позже здесь станет куда оживленнее.

Сунь Цзинь кивнул и снова приложился к бокалу.

— Тан Минь, как там твои дела с девчонкой? — пропустив пару рюмок, Хэ Хао принялся вовсю сплетничать с горящими глазами. — Что-то я давно не слышал, чтобы вы по телефону болтали.

— Расстались, — бросил Тан Минь. — Да и чувств особо сильных не было.

— Тц, — Хэ Хао ткнул в Тан Миня пальцем, обращаясь к Сунь Цзиню. — Погляди на этого коллегу: с виду сама лучезарная милота, а на деле тот еще сволочь!

— Я же не изменял налево и направо, какая я сволочь? — смеясь, Тан Минь запустил в Хэ Хао куском фрукта.

— Серьезно? Не верю, — Хэ Хао поймал фрукт на лету, отправил в рот и заявил: — Ставлю сто против одного, что сегодня вечером ты уведешь отсюда какую-нибудь красотку.

— На что спорим? — поинтересовался Тан Минь.

— На завтрашний день нашей кондитерской.

— Ну тогда жди скорого банкротства, — хмыкнул Тан Минь.

Троица еще долго препиралась о всяких пустяках. Вокруг становилось всё шумнее. Сунь Цзинь, помимо своего первого коктейля, прикончил еще два, которые принес Хэ Хао. Он почти никогда не пил, и голова у него была самая обыкновенная, поэтому сейчас он чувствовал легкое головокружение. Ему казалось, будто он погрузился в мягкое облако: в голове приятно шумело, но вместе с тем накатывало незнакомое прежде чувство радости, словно удавалось хоть на время забыть обо всех тусклых и тяжелых неприятностях.

— Пей смело, Сунь Цзинь, — подбадривал Хэ Хао. — Я сегодня вечером поеду в общежитие за девушкой, так что смогу спокойно отвезти тебя домой.

Сунь Цзинь подпер рукой подбородок и с улыбкой поднял на него глаза. В полумраке мерцающих огней его черты лица казались невероятно мягкими. Хэ Хао даже на секунду замер:

— Твой темперамент ну совсем не вяжется с атмосферой бара.

Тем временем Тан Минь вежливо отказал уже четвертой за вечер девушке, попросившей его номер телефона. Поднявшись со своего места, он бросил:

— Ждите здесь.

Сунь Цзинь проследил взглядом, как он направился к сцене. Вокалист явно узнал его: во время перерыва он присел на корточки, чтобы перекинуться парами слов. Затем Тан Минь обернулся и указал в сторону столика, где сидел Сунь Цзинь; певец поднял голову, посмотрел на них и утвердительно кивнул.

Вернувшись за столик, Тан Минь объявил:

— Сунь Цзинь, сегодня мы устроим тебе незабываемый вечер.

Стоило ему договорить, как луч прожектора выхватил из полумрака фигуру Сунь Цзиня. Свет не резал глаза, но привлекал всеобщее внимание. Музыка на сцене мгновенно стихла, и практически все присутствующие повернулись на свет, уставившись на их столик.

Сунь Цзинь растерянно замер. Он и так был не до конца трезв после выпивки, а оказавшись под прицелом яркого луча и чужих взглядов, почувствовал, как в голове зазвенело. Мысли

спутались, он не понимал, что думать и что делать, и просто сидел неподвижно, широко распахнув глаза.

Вокалист не стал произносить долгих дежурных приветствий, он лишь тепло улыбнулся, глядя на Сунь Цзиня:

— Сунь Цзинь, с днем рождения. Песня для тебя.

Заиграла музыка. Певец наклонился к микрофону и затянул сингл *Rainy*.

Этот дождь прекратится —

И в библиотеку пойдем.

На велосипед оседлаем —

Неспешно мы вдаль уплывем.

Если та малышка заплачет,

Что так любит подсолнух весной,

Шляпку из соломки цветастой

Мы бережно дадим ей с собой.

Если прежде казался столь гордым,

То от боли в глухой тишине —

Потому что невыносимо

Одиночество было мне...

Голос исполнителя удивительно органично сочетался с этим стилем city pop: чистый, с легкой хрипотцой, безупречное японское произношение, мягкая артикуляция. Он идеально передал влажную атмосферу песни, казалось, будто на плечи льется не искусственный свет прожектора, а мелкий, морсящий дождь.

Последние аккорды затихли, прожектор погас.

Хотя песня была очень спокойной, а Сунь Цзинь толком не вслушивался в слова, за эти несколько минут ему и впрямь показалось, что за окном затянул дождь. Точь-в-точь как сырая погода снаружи сегодняшним вечером: капли падали в лужи, рождая круги на воде, и в тишине чудился глухой перестук.

Хэ Хао пришел в себя лишь спустя долгое время:

— Тан Минь, и скольких же девчонок ты окучил такими вот фокусами?

— Да брось ты, сегодня впервые использую, просто подвернулся подходящий момент, — со смехом ответил Тан Минь, поворачиваясь к Сунь Цзиню. — Понравилось?

Сунь Цзинь кивнул:

— Понравилось. Спасибо.

В те несколько минут он сидел как в тумане, даже удивиться или смутиться толком не успел. Теперь же, придя в себя, он не чувствовал неловкости — всё происходило словно во сне, мимолетно и невероятно ценно, возможно, просто потому, что из-за выпивки в голове не оставалось места для лишних раздумий.

Они еще немного поболтали, как вдруг к их столику кто-то подошел:

— Сунь Цзинь.

Сунь Цзинь поднял голову. Огоньки вокруг мигали, а соображал он туго, так что ему потребовалось несколько секунд, чтобы узнать гостя:

— Хань Чжо?

— И правда ты, — улыбнулся Хань Чжо. — Услышал, как вокалист назвал имя Сунь Цзинь, но из нашего бокса твоего лица было не разглядеть, вот и подошел проверить. Не ожидал, что и правда ты.

Хань Чжо был старшекурсником, учился на год старше Сунь Цзиня — тем самым бывшим парнем, с которым они встречались чуть больше двух месяцев.

Сунь Цзинь на мгновение завис. Он давно не видел Хань Чжо, они почти не общались даже в мессенджере, и он никак не мог предположить, что столкнется с ним здесь.

Хэ Хао и Тан Минь ничего не знали о сексуальной ориентации Сунь Цзиня. Но Хань Чжо, будучи его бывшим возлюбленным, застал Сунь Цзиня в компании двоих парней, да к тому же наверняка видел, как Тан Минь договаривался со сцены о песне. Подобная картина невольно наводила на определенные мысли.

— Пришел с друзьями отметить день рождения? — видя замешательство Сунь Цзиня, Хэ Хао с улыбкой повторил вопрос.

— Да... они решили устроить мне праздник. — Сунь Цзиню казалось, что он с трудом справляется с ситуацией. Вокруг шумело, голова гудела, ему безумно хотелось ополоснуть лицо холодной водой, чтобы немного отрезветь. Он поднялся со стула и сказал Тан Миню с Хэ Хао: — Я отойду поболтать со знакомым, вы пока выпивайте.

Услышав, что гость — просто знакомый, Тан Минь и Хэ Хао не стали допытываться:

— Хорошо, мы тут побудем.

Выйдя в проход, Сунь Цзинь качнулся, но Хань Чжо вовремя поддержал его за руку, тихо спросив:

— Перебрал?

— Нет, просто в голове шумит, — Сунь Цзинь помассировал переносицу. — Хотел умыться.

— Я провожу.

Сунь Цзинь кивнул.

16.

Сунь Цзинь ополоснул лицо прохладной водой, пару секунд постоял перед раковиной и повернулся к выходу.

— Весь мокрый, — Хань Чжо, ожидавший его у прохода, протянул ему салфетку. — Вытрись.

— Спасибо, — Сунь Цзинь взял салфетку и кое-как промок лицо.

— Не досуха.

Хань Чжо забрал влажную салфетку из рук Сунь Цзиня и, склонившись ближе, сам аккуратно стер капли с покрасневшихся щек.

— Сколько выпил?

— Голова слабая.

Сунь Цзинь смущенно отстранился:

— Ничего, не нужно так тщательно вытирать.

Звуки музыки и голоса посетителей доносились из конца коридора приглушенным эхом. В полумраке Хань Чжо всматривался в темные тени под ресницами Сунь Цзиня:

— Почему ты так похудел?

— Наверное, в последнее время дел много, — Сунь Цзинь поджал губы. — Пойдем обратно, не заставляй друзей ждать.

Хань Чжо, однако, не сдвинулся с места. Продолжая стоять прямо перед ним, он спросил:

— Тот парень, что сидел рядом с тобой... он ведь тебе не просто друг?

— А? — Сунь Цзинь растерянно поднял на него глаза. — Тот, который в худи?

Хань Чжо промолчал.

— Нет... — Сунь Цзинь только сейчас понял, к чему клонит Хань Чжо. — Он мой коллега по подработке, а второй — директор заведения.

— Тогда ты сейчас... — Хань Чжо сделал еще один шаг ближе, не скрывая читающегося во взгляде интереса. — Всё еще свободен?

Они и так стояли слишком близко, а за спиной Сунь Цзиня находилась стена. Он не был глупцом: даже будучи навеселе, он отлично понимал прямолинейный подтекст слов Хань Чжо.

— Я сейчас не хочу об этом говорить, — Сунь Цзинь поморщился от нахлынувшего головокружения. Он не собирался оставлять надежду людям и ситуациям, с которыми всё было кончено, и хотел лишь как можно жестче поставить точку.

К тому же, у него под боком находилась готовая в любой момент взорваться бомба замедленного действия, способная выжечь дотла любые надежды на личное счастье. Разве мог он думать о чем-то подобном?

— А в будущем? — допытывался Хань Чжо.

— Я не знаю, — мимо изредка кто-то проходил, и Сунь Цзинь произнес чуть тише: — Пойдем назад, нечего здесь стоять.

— Сунь Цзинь, — Хань Чжо перехватил его за запястье. — Раньше ты вел себя точно так же:

умел только отказывать, никогда ничего не объясняя. Никто не знал, что у тебя на уме. Тогда ты просто потребовал расставания, и до сих пор я не понимаю: я в чем-то ошибся, ты разлюбил меня или была какая-то другая причина?

Помолчав долгое время, Сунь Цзинь тихо ответил:

— Дело во мне самом.

Вся эта глубоко упрямая, невыразимая боль: изъязры родного дома, детские травмы, ущербность характера. К прежним бедам добавилась еще одна — инцестуальная связь с родным братом. Пусть всё произошло абсолютно вопреки его воле, Сунь Цзинь понимал, что никогда не сможет замолчать или забыть об этом. Это клеймо делало его в собственных глазах куда более ничтожным, чем семейные неурядицы или особенности характера.

— Не думаю, что в тебе есть хоть что-то, что могло бы стать причиной для расставания, — возразил Хань Чжо. — Ты, похоже, сам толком не понимаешь, какой ты человек.

Сунь Цзинь растерянно смотрел на его подбородок. Всё его понимание себя строилось лишь на бесконечном самокопании; он не умел вырываться из добровольно возведенных стен. Некоторые вещи пустили в его сердце слишком глубокие корни, и никакие чужие слова утешения или похвалы не могли этого исправить. Тем более что шрамы, оставленные едкими насмешками и презрением родного брата, напоминали о себе постоянно: Сунь Цзинь знал, что Сунь Синлань искренне презирает его, но в глубине души не мог найти в тех оценках ни единой ошибки.

Он действительно был самым заурядным человеком во всех смыслах, пытавшимся лишь носить маску нормальности, хотя изнутри его подтачивало самоуничижение.

— Сунь Цзинь, ты прекрасный человек, — произнес Хань Чжо.

В сумеречном свете коридора Сунь Цзинь увидел, как Хань Чжо наклоняется к нему. Инстинктивно он уперся ладонями в плечи Хань Чжо, но сил оттолкнуть его уже не осталось — накатила лишь глухая растерянность. Он не понимал, откуда начать распутывать этот клубок мыслей и о чем вообще следует думать.

Вдруг раздался тихий, но резкий щелчок, прорезавший далекий гул музыки и голосов. Сунь Цзинь, словно очнувшись от тяжелого морока, резко отпрянул в сторону и увидел у поворота фигуру человека, в зубах которого тлел огонек сигареты.

Даже не разглядев лица, Сунь Цзинь мгновенно понял, кто это. Ледяной холод змеей пополз по стене, вливаясь прямо в вены через кончики пальцев; капля за каплей эта замораживающая жидкость закружилась в крови, растекаясь по телу.

Изнеженная зажигалка пару раз крутанулась между пальцами. Страхнув перепел, Сунь Синлань протянул:

— Отличная атмосфера.

Сунь Цзинь оттолкнул Хань Чжо. На секунду в его голове словно закоротило проводку, и он совершенно не представлял, что делать дальше, кроме как отстраниться. Встреча с Хань Чжо сама по себе была случайностью, но он и в страшном сне не мог представить, что здесь окажется Сунь Синлань и застанет их в момент, когда они едва не слились в поцелуе.

Хань Чжо несколько секунд разглядывал Сунь Синланя, а затем спросил Сунь Цзиня:

— Знакомый?

Сунь Цзинь помолчал пару секунд и ответил:

— Мой младший брат.

Хань Чжо явно удивился: контраст между братьями был слишком разительным. Один — покладистый и тихий, второй — излучающий холод и скрытый бунт. Если бы Сунь Цзинь не подтвердил это сам, Хань Чжо ни за что бы не связал их вместе.

— И что же ты делаешь здесь с каким-то парнем, братец? — усмехнулся Сунь Синлань. — Я и не знал, что у тебя такие наклонности.

— Иди домой, — выдавил Сунь Цзинь, и в его голосе прозвучала едва заметная, горькая дрожь.
— Если нужно, спишемся в WeChat.

Он не мог выдерживать эту сцену дольше. Сунь Синлань не оставит его в покое, поэтому единственным выходом было отправить Хань Чжо прочь.

Хань Чжо помедлил, но, оценив обстановку, решил не задавать лишних вопросов. Кивнув, он произнес:

— Ладно. Ты выпил, так что возвращайся сегодня пораньше.

— Угу.

— Сначала коллеги поют для тебя песни, а теперь бывший парень утешает в укромном уголке, — небрежно бросил Сунь Синлань, провожая взглядом спину уходящего Хань Чжо. — Неплохо устраиваешься.

Сунь Цзинь даже не повернулся к нему, продолжая смотреть в пол:

— Мы просто случайно встретились.

— Случайно встретились, случайно поцеловались, а потом случайно переспите — так, что ли?

Кадык Сунь Цзиня дернулся, и он устало выдохнул:

— Сунь Синлань, чего ты добиваешься?

Сунь Синлань посмотрел на его профиль и неторопливо произнес:

— Хань Чжо, четвертый курс экономического факультета, специальность «управление бизнесом», группа три.

Фраза еще не успела оборваться, как Сунь Цзинь резко повернулся к нему. В глазах, освещенных светом углового светильника, отчетливо читались страх и тревога:

— Чего ты задумал?

Воспоминание о том, как Тан Минь чуть не попал под колеса машины, молнией пронеслось в голове. Ноги Сунь Цзиня стали ватными:

— Сунь Синлань, прекрати сходить с ума!

Не удостоив его ответом, Сунь Синлань шагнул прямо к нему, намереваясь выйти из коридора.

Сунь Цзинь испуганно бросился за ним, заглядывая в меняющие выражение изломы лица брата:

— Да что тебе нужно?!

Сунь Синлань остановился и бросил косой взгляд на тяжело дышавшего Сунь Цзиня:

— Ты ведь и сам прекрасно всё понимаешь.

— Сунь Синлань! — Сунь Цзинь в отчаянии вцепился в воротник его одежды. — Ты бешеный пес, что ли?! Кидаешься на всех подряд?

— Ты же сам давно назвал меня психопатом, — Сунь Синлань позволил ему держать себя за воротник, а затем резким движением перехватил Сунь Цзиня за горло и впечатал спиной в стену. — Разве ты не знаешь, какой я на самом деле?

Он сжимал его горло, а зажатая между пальцами тлеющая сигарета находилась всего в сантиметре от мочки уха Сунь Цзиня — тот физически ощущал жар табака.

— Я прошу тебя... — Сунь Цзинь опустил руки и поднял на брата умоляющий, пронизанный отчаянием взгляд. — Умоляю, хочешь выместить злость — вымещай на мне, ладно?

Сунь Синлань критически оглядел его лицо:

— Это ты так просишь меня трахнуть тебя?

17.

Кадык Сунь Цзиня дернулся под ладонью Сунь Синлани, и он прошептал:

— Ты ненавидишь меня, но тебе вовсе не обязательно использовать такие методы.

— Я могу навсегда забыть дорогу в дом Сунь, на следующую практику уеду в другой город, а потом ты и сам уедешь за границу. Со временем расстояния станут огромными, и я больше никогда не появлюсь перед твоими глазами, не стану тебе мешать.

— Вот как ты всё себе придумал.

Сунь Синлань разжал пальцы на его шее и затушил сигарету.

— Только реальность, пожалуй, окажется еще прекраснее, чем твои фантазии.

Подняв глаза на брата, он произнес:

— Юань Я беременна, и Сунь Сянпин готовится к эмиграции.

Сунь Цзинь замер, а затем услышал продолжение:

— Когда Юань Я родит ребенка, ты останешься в стране один-одинешенек, и состояние семьи Сунь перестанет иметь к тебе хоть какое-то отношение.

— Сунь Сянпин вовсе не так добр к детям, выросшим вдали от него, как пытается показать, —

холодно продолжил Сунь Синлань. — Иначе почему он никогда не заводил речи о том, чтобы перевести твою прописку обратно? Почему никогда не предлагал отправить тебя на учебу за рубеж? Всё, на что его хватило за все эти годы, — пообещать купить тебе квартиру. Это его высшая степень щедрости, от которой ты, впрочем, еще и отказался.

Услышав это, Сунь Цзинь не почувствовал особого удивления.

Он всегда ощущал себя чужаком, общался с Сунь Сянпином мало, так что отсутствие отцовской любви казалось вполне закономерным. Он никогда не претендовал на наследство Сунь Сянпина, хотя действительно по наивности верил, что отец искренне старается быть хорошим родителем. Те редкие знаки внимания, мягкие улыбки — Сунь Цзинь наивно полагал, что всё это было настоящим.

Возможно, отчасти так и было. Но, как и сказал Сунь Синлань, это являлось лишь подачкой с барского плеча.

— К чему ты мне всё это говоришь? — глядя на него, спросил Сунь Цзинь. — Жалость? Насмешки?

— По сравнению с Сунь Сянпином разве то, что ты сотворил со мной, намного лучше? — алкогольный хмель, отступивший от страха, теперь накатывал с новой силой, и Сунь Цзинь с трудом сдерживал слезы. — Ты думаешь, меня волнует богатство семьи Сунь? По-твоему, есть что-то более омерзительное, чем быть изнасилованным родным братом?

Сунь Синлань остался бесстрастным. Слегка подавшись вперед, он прошептал прямо в лицо Сунь Цзиню:

— Это не было изнасилованием, братец.

— Это инцест, и ты в нем замешан точно так же.

У Сунь Цзиня больше не осталось слов. Ему было не тягаться с Сунь Синланем, любые оправдания теряли смысл.

— Братец, — Сунь Синлань протянул руку и стер влагу с уголка глаз Сунь Цзиня. Жест казался двусмысленным, но голос звучал леденяще. — Если Сунь Сянпин узнает, что ты предпочитаешь мужчин, и узнает про наш инцест, как по-твоему, кого он посчитает виновным — меня, заставившего тебя лечь со мной в постель, или тебя, соблазнившего меня?

Сунь Цзинь широко распахнул глаза:

— Ты...

— Оба варианта маловероятны, верно? — усмехнулся Сунь Синлань. — Но он стопроцентно решит, что зачинщиком был ты. В конце концов, у меня на его глазах всегда было столько девушек.

Он слегка похлопал Сунь Цзиня по щеке:

— У тебя слишком много уязвимых мест, Сунь Цзинь.

— Я прошу тебя только об одном... — голос Сунь Цзиня почти сорвался. — Всё, что происходит между нами, касается только нас двоих. Зачем впутывать остальных?

— Больше всего на свете я ненавижу делиться с кем-то тем, что принадлежит мне — будь то деньги или люди, — Сунь Синлань нес какую-то бессвязную чушь, совершенно не отвечая на вопрос. — Даже теми, кто еще не появился на свет.

Сунь Цзинь замер на секунду, а затем леденящий мороз прошиб его от кончиков пальцев до макушки. На лице отразилось неверие, сменившееся неподдельным ужасом.

— Что ты имеешь в виду?

— Сунь Цзинь, ты вечно тратишь заботу на тех, кому до тебя нет дела, — произнес Сунь Синлань.

Его рука скользнула под подол тонкого свитера Сунь Цзиня. Тот мгновенно побледнел и напрягся всем телом: он еще не получил ответа на свой вопрос, как уже столкнулся с новой западней. Не успел он даже попытаться оттолкнуть брата, как Сунь Синлань грубо впился в его губы поцелуем.

Прикусив губу Сунь Цзиня, он языком разжал его зубы. Запах алкоголя смешался с влажной слюной, накрывая с головой. Сунь Цзинь, и без того пьяный, чувствовал, как воздуха в груди становится всё меньше, а эмоции рассыпаются пеплом. Краем глаза он замечал мелькающие силуэты проходящих мимо людей, но Сунь Синлань держал его намертво. Сопротивление не приносило никакого толка.

Словно после того, как его принудили к близости, все его моральные границы были стёрты. Нынешняя ситуация, какой бы жалкой и нелепой она ни казалась, вызвала у Сунь Цзиня лишь робкую надежду: а вдруг это поможет хоть немного умиловить Сунь Синланя? Он знал: если разозлит его здесь и сейчас, то неминуемо подвергнется ещё более жестоким пыткам и унижениям. Боль была настолько невыносимой, что он даже бояться вспоминать о ней.

Вероятно, из-за того, что сопротивление Сунь Цзиня было слабым, в этот раз Сунь Синлань вёл себя на удивление бережно. Он покусывал кончик языка и губы Сунь Цзиня, будто играя с ним

в злую игру. Казалось, такое обращение с собственным старшим братом на людях доставляло ему особое удовольствие.

Окружающие принимали их за влюблённую парочку, никто и не подозревал об их порочной связи, о том неравенстве, в котором один подавлял, а другой был вынужден покоряться.

Воздух снова наполнил лёгкие. Сунь Цзинь открыл глаза и, безразлично глядя на плечо Сунь Синланя, спросил:

— Доволен?

Сунь Синлань вытащил руку из-под одежды Сунь Цзиня и произнёс:

— Тебе стоило бы спросить своего коллегу, доволен ли он тем, что насмотрелся.

Сказав это, Сунь Синлань зашагал прочь. Сунь Цзинь растерянно обернулся и увидел удаляющуюся спину брата, а неподалёку — Тан Миня.

Хэ Хао перебрал с алкоголем, до своей девушки дозвониться не смог, и в итоге ей пришлось выбираться из общежития, чтобы забрать его.

Когда Хэ Хао с подругой уехали на такси, Сунь Цзинь и Тан Минь остались стоять на обочине. Дождь прекратился, воздух стал прохладным, и всё вокруг казалось умытым — чистым и чётким.

— Голова ещё кружится? — спросил Тан Минь.

Кончики пальцев Сунь Цзиня слегка дрогнули.

— Нет, уже прошла.

— Наверное, я тебя напугал, вот ты и протрезвел, — с лёгкой улыбкой заметил Тан Минь.

— Нет, — покачал головой Сунь Цзинь. — Просто это было неожиданно.

— Я видел, что твой друг вернулся к столику, а ты — нет, вот и решил проверить. Я не специально.

— Ничего страшного, — ответил Сунь Цзинь. — Не бери в голову.

Тан Минь усмехнулся:

— Я вот всё думал, почему тот парень в кафе тогда так странно к тебе придирался. У твоего

парня довольно скверный...

Он внезапно замолчал, вспомнив, что в тот день в десертной лавке рядом с Сунь Синланем была девушка, с которой они вели себя довольно близко.

Сунь Цзинь равнодушно произнёс:

— Он не мой парень, просто знакомый. Мы оба сегодня перебрали с алкоголем, вышло неловко. В будущем это не повторится.

Тан Минь улыбнулся одними губами:

— Ладно, не будем об этом. Пойдём домой.

— Да.

Вернувшись в комнату, Сунь Цзинь только собрался принять душ, как зазвонил телефон — это был Сунь Сянпин.

— Сяо Цзинь, не спишь? — в голосе Сунь Сянпина слышалась улыбка. — В следующую среду вечером я пришлю за тобой машину.

— Хорошо.

Сунь Сянпин продолжал улыбаться:

— Даже не спросишь, по какому поводу?

Сунь Цзинь смотрел в пол:

— У вас пятидесятилетний юбилей.

Сунь Сянпин, казалось, был очень доволен:

— Хорошо, что помнишь. Ты у меня настоящий сын.

Если бы это было раньше, слова отца, возможно, тронули бы его сердце. Но после сегодняшнего разговора с Сунь Синланем — независимо от того, сколько правды было в его словах — Сунь Цзинь многое понял и переосмыслил.

На самом деле он ничем не обязан Сунь Сянпину. В конце концов, если копать глубоко, все их беды начались из-за измены Сунь Сянпина много лет назад и его безответственности по отношению к семье.

Когда он изо всех сил пытался разорвать связи и отстраниться, выяснилось, что отец никогда и не считал его частью семьи.

Лицемерный отец, безумный младший брат — вот и всё его семейство.

Сунь Цзинь сказал:

— Помнить об этом — мой долг. Папа, у меня тут есть ещё дела, я положу трубку.

— Хорошо, ложись спать пораньше.

<http://bllate.org/book/22345/2341095>